

Виктор Мельников

Хлёбово

социальная фантастика

Виктор Мельников

**Хлёбово. Социальная
фантастика**

«Издательские решения»

Мельников В.

Хлёбово. Социальная фантастика / В. Мельников —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852040-2

В этой книге состояние тревоги заставляет сосредоточиться и ждать ухаба или ямы — известно, автор никогда не пускает читателя по полному штилю, так не бывает... Социальная фантастика Мельникова — её сложно отделить от действительности... Слишком всё знакомо, всё слишком откровенно и малопривно.

ISBN 978-5-44-852040-2

© Мельников В.
© Издательские решения

Содержание

Рассказы	6
Другие женщины	6
В ином свете	11
Там, где скрывается правда	13
1	13
2	14
3	15
4	17
5	18
Варикоз	21
Хлёбово	24
1	24
2	24
3	24
4	26
5	26
6	27
7	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Хлёбово

Социальная фантастика

Виктор Мельников

© Виктор Мельников, 2017

ISBN 978-5-4485-2040-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказы

Другие женщины

Больше всего я боюсь – и это не выдумка, – что мне придётся каяться, а людям, которые заметят во мне что-то неладное, осуждать, ибо они, как зрители, могут видеть больше, как не скрывайся и не прячься. А делать именно так приходится, да. И это сводит с ума. Особенно та мысль, что зрителем может стать жена. Но, как не удивительно, наблюдателем оказываюсь я. Осознание этого факта наступает не сразу, постепенно. И трудно передать, до какой степени ноет то ли душа, или её остатки, одним словом, признаюсь, как человек спрашивающий, я не всегда получаю ответы. А значит – гори всё синим пламенем, говорю я себе каждый раз, потому что страсть, как и любовь, осознаю, в период весеннего обострения изгоняет разум. Не до конца, конечно. Что-то остаётся, чтобы как-то балансировать на канате над пропастью, и вот так идёшь прямо, осторожно ступая, вниз не смотришь. Может быть, потому, изо дня в день, в таком напряжённом состоянии человек в силах сделать с самим собой то, что иначе невозможно. То есть происходят чудеса: вместо того, чтобы свалиться вниз, ты продолжаешь двигаться вперёд. При этом человеческая воля просто выкидывается невидимой, мистической силой – и препятствовать ей напрасно, как молнии во время грозы. И зачем, вообще? Ведь ты идёшь, а не летишь вниз.

Мысли – ох уж эти мысли-образы! Возникающая дилемма между двумя женщинами, когда невозможно определиться, загоняет в тупик, однако.

Я выглядываю в окно: снег идёт всю ночь и утро. В обед кто-то слепил снежную бабу. Она становится достопримечательностью двора, детвора водит хороводы вокруг неё, а вечером идёт дождь. Настоящий ливень! Вокруг снежной бабы образовывается огромная лужа – не подойти. Но она стоит, не растаяла, стоит совсем одинокая, омытая слезами, и никого вокруг. Для неё, я думаю, наступает тот самый критический момент, за которым следует, разумеется, настоящий «конец света». Она может исчезнуть – видимо, и у человека свой «конец света» наступает в то или иное время, а не у всех в один миг, как заставляют верить. И когда я её вижу, остановившись покурить в подъезде дома, возвращаясь из магазина с вином и конфетами обратно к Еве, мне кажется, что она продолжает бороться с водной стихией, являясь сама частью этой самой стихии (человек тоже часто борется с самим собой и себе подобными), – и она напоминает мне о жене, Ирине. Я выпускаю сигаретный дым вверх огромным кольцом, вдыхаю полной грудью свежего воздуха – выдыхаю, как бы сожалея участи снежной бабы. Если дождь продлится до следующего утра, а это вполне возможно, она не сможет выстоять, растает вся – погибнет, без всякого на то сомнения, как любой человек, оставшийся один на один со своей бедой. Сожалея, я улавливаю в воздухе странный запах. Кажется, пахнет порохом. Его сгоревшими остатками. Странно, но я принохиваюсь – моему обонянию знакомо это вещество, которое, сгорая, обязательно оставляет след. Так и есть, я, кажется, не ошибаюсь. И утром, покинув Еву, я уже не вижу снежной бабы, она растаяла, превратившись в талую воду, а запах пороха во влажном воздухе усиливается – по правде говоря, я не в полной мере верю своему нюху, ссылаясь на хронический насморк. Так ли всё на самом деле? Скорей всего этот запах ассоциируется у меня с вечерней встречей, после работы, с женой. Вот в чём дело оказывается. Так оно и есть, без сомнений. И когда я прихожу с работы, специально задержавшись на три лишних часа, Ирина меня не замечает, она спит. Не замечаю её и я. Кажется, обходится.

Открываю глаза. Утренний рассвет. Суббота. Супружеское ложе. Меня не прогоняют и в этот раз. Я поворачиваюсь к жене. Ирина не спит, смотрит на меня. Как долго она это делает? Гипнотизирует? Или что-то другое в этом взгляде – просто ненавидит?

– Мне кажется, что во всём виновата я, – говорит она, избирая странную тактику ведения разговора, – виновата в том, что старею. И становлюсь тебе не нужной, Игорь. Как поломанная вещь. Правда, я пока работаю: стираю бельё, готовлю обеды и ужины, мою полы, глажу тебе рубашки. Этакая универсальная машина-автомат. И я удивляюсь, что мне удаётся оставаться женщиной, на которую, в отличие от тебя, заглядывают молодые мужчины.

Я, конечно, ждал этих слов, или подобных этим, я, можно сказать, привык к ним.

И я молчу, не объясняю, почему меня не было дома несколько дней, а телефон сотовый выключен. Ирина, предполагаю, прекрасно понимает, что это означает, потому что ложь не может спасти ни меня, ни её. Она продолжает говорить, я слушаю – так надо для неё самой, чтобы выговориться, облегчить, таким образом, душу. Да, я отмалчиваюсь, глядя на эту женщину, которая почти двадцать лет терпит меня, ухаживает за мной, при этом не оставляет попыток цепляться за остатки былой красоты. В свои сорок лет (мы с ней ровесники, если не считать разницы в полгода, что я старше) она, надо сказать честно, пытается выглядеть «хорошо». Очевидно, мне-то известно, что для этого она прилагает большие усилия: косметические салоны, маски, кремы... Она даже год назад сделала пластическую операцию: врачи подтянули ей кожу лица... Мысли иногда, конечно, бывают чрезвычайно ничтожны, но, буду откровенным, у женщин в этом возрасте происходит некое «осознание каждой части тела». И, если говорить об Ирине, она всерьёз считает, что сможет остановить процесс старения. Тем самым сумеет снова привлечь меня к себе, а может, рассчитывает и на большее...

По её мнению, если судить, я убегаю от неё. Это не так. Я уйду на время, да. Но не убегаю совсем.

Пока она говорит, я пытаюсь сравнить Иру с Евой. Ничего не выходит. И дело не в том, что у них существует огромная разница в возрасте – пятнадцать лет. Это два разных типа женщин и по внешности, и по характеру. Если жена, к примеру, может терпеть, то Ева капризна. Но не в этом, наверное, дело. Между Евой и мной находится некая пелена, которая искажает пространство, а вместе с ним искажается действительность – кто-то из нас носит розовые очки, а если быть более точным, мы поочерёдно цепляем их себе на нос. А между Ирой и мной такой пелены не существует, она является частью меня самого, а самому себе, по крайней мере, лгать не станешь – скорей промолчишь. А раз так – она тоже, в этом не может быть сомнений, способна изменить.

– Ты разлюбил меня, Игорь, – продолжает Ирина.

– Я привык, – говорю, но она как будто не хочет слышать.

– У тебя есть любовница. Не отрицай. И что она может тебе дать? Скажи?

– Успокойся, – говорю я, пытаюсь прекратить этот разговор. – Тебе не идёт такой тон.

– Нет, ты скажи, Игорь. Честно скажи!

Я молчу, глядя в потолок.

– Что тебе от меня нужно, тогда скажи?

На этот вопрос я не могу точно ответить. И говорю первое, что приходит на ум:

– Я знаю, Ира, кто ты, но не знаю, кто она, та самая, о которой ты говоришь. Ты у меня одна, поверь, остальные подделки.

Очень мало людей умеет разговаривать между собой, даже в семье. Ещё меньше тех, подчёркиваю, кто умеет понимать. Полагаю, я и Ирина понимаем друг друга так, как никто другой, ибо умеем подбирать слова.

И вот жена позволяет мне себя обнять и поцеловать. В это мгновение я вижу другую женщину. Она становится моложе лет на пять, и я чувствую некий восторг, в уме всё мель-

кает, как вихрь, а сердце вылетает из груди, словно первый раз: страсть возникает из пустоты, ниоткуда, как будто не было тех двух ночей с Евой.

Я собираю вещи, чтобы уйти с работы. Ева звонит на сотовый телефон. Мы с ней разговариваем о всяких мелочах. Сотрудники думают, наверное, что я держу разговор с женой – пусть так думают. Излишняя откровенность позволяет, видимо, им делать такие выводы: всякого влечёт чужая страсть.

Итак, стало быть, уточню здесь, Ева знает об Ирине. И знает, что у меня есть сын, который учится в другом городе. Она видит, что сын для меня многое означает, здесь не возникают споры, но не понимает, почему я возвращаюсь к жене. В свою очередь я догадываюсь о тех чувствах Евы, которые определяют её поведение и отношение ко мне: занимаясь со мной любовью, она избавляется от забот о хлебе насущном, намазанном шоколадным маслом. Она не находится у меня на содержании. Но я даю ей денег столько, сколько она просит, хотя предполагаю, рассуждая из своего болота, что спрашивать денег – гадкая история, если чувствуешь, что их не совсем заслужил. Правда, я могу позволить себе такую «роскошь».

Именно – «роскошь»! Это слово меня забавляет. Я часто прокручиваю его на языке. Однажды в порыве страсти сказал Еве: «Ты моя роскошь!», хотя в голове крутились слова «моя дорогая». И то, и другое слово означают одно для меня – трату денег. Не ошибусь, право, то же самое означают эти слова и для неё. Но в обратном смысле.

Если более конкретно и точно говорить о Еве, то можно применять такие слова, как, например, «мне кажется, что её профессиональные достижения связаны благодаря моему появлению в её жизни» (совсем недавно на работе шеф повысил её в должности до заместителя главного бухгалтера). Или: «мне кажется, её новая любовь настоящая, в ней нет равнодушия». Либо: «мне кажется, её радости имеют прямое отношение к тем переменам, что происходят в моей и её жизни».

Мне кажется – и я понимаю почему.

Но мне не кажется, а именно так всё и есть, что происходят трансформации – как не называй это – жизненных сложившихся устоев в моей семье, а вместе с ними, однозначно, изменяется и сама Ирина.

И вот, когда я ухожу с работы, договорившись с Евой встретиться сегодня вечером, но вначале я должен попасть домой, мне становится ясно, что я страшный эгоист, потому что моя страсть к Еве точно также распространяется и на жену. В этом я убеждаюсь, когда захожу на порог своей квартиры, – я почти не узнаю Ирину!

– Не понимаю, ты снова сделала пластическую операцию? – спрашиваю я её. – Это невозможно, когда успела?

– Нет, и не думала, Игорь. Я тебе нравлюсь? – Ирина подходит к большому зеркалу в прихожей, скидывает халат себе под ноги, остаётся обнажённой, и приподнимает груди руками. – Стали меньше отвисать. Что скажешь?

Я прикасаюсь к жене, одной рукой к плечу, другой провожу по низу живота. Лёгкая дрожь проходит по её телу. Я не знаю, чем возможно такое объяснить, но тело Ирины приобретает некую былую свежесть, – передо мной другая женщина!

Зная, что последует за всем этим, я прикидываю, что бы сказать Еве после, которая ждёт меня у себя дома, надеясь на дорогой подарок, который ей пообещал.

Испытывая чувство вины, как перед Евой, так и перед женой, я, под предлогом купить сигарет, покидаю квартиру, еду к Еве.

В ювелирном салоне покупаю золотой браслет. С этим подарком появляюсь у Евы – она изменяется тоже! Это становится заметно, не в лучшую сторону, да так, что я отступаю на шаг, когда она целует меня.

Я примеряю Еве браслет и вижу, что подарок ей не нравится, что ли. У девушки портится настроение, словно погода в летнюю пору: набежавшие чёрные тучи сейчас извергнут на мою голову град, догадываюсь. И я интересуюсь, в чём дело? Но она не отвечает. Я предполагаю, всё дело в моей непунктуальности. Пытаюсь разобраться – она не делится со мной ни одним словом, предпочитает молчать. И от этого, как мне кажется, становится невзрачной, серой, а на лбу и вокруг век, я вижу, угадываются глубокие морщинки, которых ранее не замечал.

– Я тебе не нравлюсь, – вдруг говорит она. – Что-то не так, я вижу. – Ева снимает браслет, кидает его на пол. – Ну, ударь меня за это, докажи, что ты хам! Сделай, что я тебя прошу.

Начинается истерика и слёзы – не переносу. Одеваюсь и ухожу.

В скором времени складывается впечатление, что Ева избегает меня. На телефонные звонки не отвечает. Всё чаще и чаще я возвращаюсь домой вовремя. И с каждым днём понимаю, что Ирина перевоплощается в молодую женщину – я вижу в ней тот самый сексуальный огонь, который горел в ней лет десять назад. Это чудо для меня. А для Ирины – вдвойне. У неё рождаются какие-то детские планы, она полна радости и восторга. Однако всё это не передаётся мне.

Попытки дозвониться до Евы так ни к чему и не приводят.

И вот однажды, вернувшись с работы, я не застаю жену дома. Она исчезает. Сотовый молчит. Всё повторяется в точности наоборот, где жена занимает моё место.

Я еду домой к Еве. Она сама зовёт меня к себе. Я понимаю, что эта девушка, может быть, рассчитывает на очередной подарок. Не всё так просто у неё. Но я не хочу быть любезным в этот раз. Я сам не знаю, зачем к ней направляюсь, прошло ведь несколько дней, прежде чем она сама удостоила меня своим звонком.

Всё время в пути думаю об Ирине – куда чёрт её понёс? Не зря она тогда упоминала каких-то мужчин. Знать бы, где она есть...

Но оставляю...

В квартире Евы снова чувствуется запах сгоревшего пороха. Она стоит ко мне спиной, а когда поворачивается, – я вижу женщину в годах, за пятьдесят. Почему-то я к этому легко отношусь. Меня не пугает преждевременная старость Евы. Как ни странно, но меня не цепляют за живое её проблемы, о которых она второпях рассказывает, а ведь всеобщее уважение и влияние – это есть возраст.

Она плачет. Я развожу руками, здесь я бессилен.

Ева говорит:

– Я превратилась в некрасивую женщину, и знаю об этом. Я несчастна – пожалей меня, Игорь...

Есть женщины, с которыми хорошо, но без которых ещё лучше. А есть женщины, с которыми плохо, но без которых ещё хуже. Даже в лучшие времена я определял Еву к первой категории. В теперешней ситуации, я понимаю отчётливо, требуется бежать, бежать и бежать, пока Ева не сгорела совсем в своём возрасте. Но я стою и смотрю на неё.

– Мне пора, – говорю и ухожу.

Я возвращаюсь домой в ужасно возбуждённом и, не знаю почему, в ужасно весёлом состоянии духа. Это, наверное, потому, что так легко расстался с Евой. Теперь я могу догадываться, кого встречу, если Ира вернулась. Но я боюсь анализировать последние события. Они не поддаются логике, и мне становится смешно. От безысходности.

Возле своей квартиры я снова улавливаю знакомый запах. Распахиваю дверь, захожу – и вижу трёхлетнюю девочку.

Обратный процесс – это тоже смерть, безобразное явление природы. А это всё должно оставаться в тайне, без посторонних глаз. Я закрываю квартиру (слышу детский голос, Игорь!) и направляюсь в бар: всему приходит конец.

Поймёт ли Ира мой поступок? Я не могу быть в этом уверенным, она теперь ребёнок. И наливаю водки в рюмку.

В ином свете

Он выращивал свиней. Всю сознательную жизнь. А дело, значит, это хлопотное, но прибыльное, свиноводство. Пятьдесят свиней в хозяйстве – это не так много, конечно, но и не мало, если считать, что с делами он справлялся сам. Жена умерла сразу, как родила ему дочь. Видно, что молву поветрием носит: очень хорошая женщина была, о ней долго в деревне хорошим словом отзывались. Так сказать, доброму Савве добрая и слава. Он долго переживал, чуть было к рюмке не приложился, но соседи отговорили.

Одним словом, мужик взял себя в руки. Ему прекрасно было известно, как кормить поросят-отъёмышей, поэтому для него не составило труда выходить своего ребёнка, свою кровиночку. А жениться, надо сказать, он больше не смог – слишком любил свою жену, и не мог представить для своей дочери другую маму. Нет иной мамы, есть отец и мать в одном лице тогда. Дни бежали, дочка подрастала, о маме спрашивала редко – она не могла сравнить, что такое жить с мамой, а после только с папой.

И хозяйство росло – уже не пятьдесят свиней в подворье, все сто! Училась дочка хорошо и, как заботливый отец, он все свободные средства вкладывал в ребёнка, чтобы потом девочка смогла поступить в высшее учебное заведение. А она хотела стать медиком, как мило с её стороны это выглядело, чтобы мамы не умирали у детей. Отец не возражал, медиком – так медиком, что может быть лучше?

И продолжал работать: кормил маленьких поросят густыми влажными мешанками три раза в сутки (смеси делал вручную, душу вкладывал, однозначно), корм давал через равные промежутки времени, поддерживал чистоту; поил животных, часто с рук. Делал всё по норме, чтобы не осаливались поросята. Был ласков с ними, как с детьми малыми, а вырастали – ничего не поделаешь, некоторых под нож лично сам отправлял, хотя и жалко было. Взрослых особей он держал отдельно от молодняка. Поросянок считался взрослым, достигнув веса тридцати килограмм. Откорм – основная цель разведения свиней, считал он, решающий показатель экономического результата. И он умел, никаких сомнений, его достигнуть, получая дешёвую мясную свинину по себестоимости. Сам же и разводил поросят, используя искусственное осеменение. У самок свиней овуляция происходит в ранние утренние часы. Поэтому он решил, сегодня не ложиться спать вообще, в два часа ночи вставать надо, а утром выспаться часок-другой.

У соседа взял фильм на DVD для просмотра. Дочь уже спала, завтра в школу, десятый класс. Он включил проигрыватель, вставил диск. Станный фильм, подумалось ему, и в правду сказать. Почти без слов, и всё так узнаваемо. Главный герой деревенский романтик! Было видно, что в утренние часы он любил наблюдать за звёздами. Только небо светилось у него над головой да тусклая лампочка над входом в сарай – он, сидя на порожках, пялился на звёзды, на Луну, произносил непонятные монологи, говоря о пастухах и дичи. Но вот небо осветили необычные шары. Он принял их за шаровые молнии. По сюжету ему приходилось их уже наблюдать – ещё одна загадка природы, вот она взрывчатка мироздания. И этой ночью так и было, он, видимо, знал, что это произойдёт. После обычно находили в полях вытоптанные круги местные фермеры. Сначала это казалось для всех в диковинку, а спустя некоторое время деревня привыкла к феномену. Чему быть того не миновать.

После того, как уфологи из Москвы истоптали одному фермеру всё пшеничное поле, и он понёс убытки, больше никто не захотел обращаться к этим доморощенным учёным. Себе самому хуже сделаешь, а тайны не узнаешь, пожалуй. Никто из этих учёных не сможет понять, что иные миры сломали десять тысяч колосков, а люди – миллионы. Такие совсем обыденные мысли вертелись в головах жителей деревни, проводником которых был этот самый главный герой, романтик. Он тоже имел приусадебное хозяйство, растил под-

ростка-дочь, делал своё дело, одним словом, но чувствовалось, что всё давно предрешено. Прямая из точки «А» не пересечётся с точкой «С», она всё равно упрётся в точку «В», только кривая изменится. На его лице ощущалась тревога, рыхлая кожа век дрожала, глаза слезились.

Деревня, где он жил, постепенно становилась безлюдной. Люди то ли уезжали, то ли умирали, было не совсем понятно: дома пустели, их хозяева исчезали бесследно. Далее: топтание на месте, обыденность, тяжёлый труд – и пьянство, как итог. Многие разводили руками, а кто-то опускал руки совсем, вялый сюжет клонил ко сну. Не только зрителя. Белая пелена перед глазами.

И вот приехал покупатель – просигналила машина. Покупатель приезжал один раз в десять дней. С ним было выгодно работать, он хорошо платил. Слово за слово, дело было сделано. Расплатившись, он сказал, что яйцеобразные формы облаков впервые видит (они висели над ними), да чтобы ещё светились в тёмное время суток!.. Хозяин подворья произнёс: любопытное кино – и всё стало исчезать после мощной вспышки; она ослепила, в глазах засияло яркое жёлто-красное пятно, в ушах жужжания шмеля... и знакомый голос дочери: «Папа, папа, мне страшно!» Дочь спала, он это знал, а теперь её голос слышался совсем где-то рядом. Он хотел её успокоить, но слова исчезли в пустоте пространства, он хотел броситься ей на помощь, но ноги парализовало, они не слушались его. Пятно рассеялось, жужжание шмеля усилилось, он увидел покупателя, превращающегося в маленького серого карлика, который уходит по лучу света вместе с его дочерью... хлопок – и всё как будто вернулось на свои места.

Он очнулся, выключил телевизор, который приглушённо шумел, – вот откуда этот звук! Я, кажется, проспал. Больше, чем предполагал. Надо приниматься за работу. За окном ещё темно. Господи, старый балда, решил развлечься! Тьфу! А свиноматки ждут папку!

Проходя мимо спальни дочери, заглянул к ней: подросток отсутствовал в своей постели. Он подошёл к кровати, дотронулся рукой до простыни: она хранила ещё тепло её тела. «Что же это такое?» – задался он вопросом. Страшилка была близка к тому, чтобы сбыться... И она сбылась – не воротилась дочь.

«В гостях воля хозяйская, – повторял он соседям одни и те же слова каждый день, завидев кого, – а кто они, чтоб дочь мою удерживать? Не люди! Мы у них бычки на верёвочке». На что соседи отмалчивались, а когда раздосадованный горем отец шёл прочь, говорили полушёпотом: «Совсем старик с ума сбрендил, видимо, – загуляла его дочь, загуляла, сбежала от него и от его свиней».

Там, где скрывается правда

1

Как такое произошло – ума не приложу.

Возвращаюсь домой с работы. Вечереет. Схожу с троллейбуса, срывается мелкий снег, довольно прохладно – ёжусь; иду привычным путём, по проспекту Тихорецкий, на углу магазина «Монарх» и улицы Суворова поворачиваю вправо. Темно. Здесь всегда нет света, хулиганы фонари поразбивали. Управы на них нет! В этом переулке всегда людей мало. Тёмный участок метров пятьдесят. Ускоряю шаг. На всякий случай. Ныряю во двор жилого дома, рядом детский сад, огороженный сетчатым забором – в нём дыра. Так ближе, если срезать путь. Пролезаю. По натопанной тропинке, покрытой тонким льдом, скольжу вниз с пригорка. А вон и моя пятиэтажка! Осталось совсем чуть-чуть, минуты через две буду дома, в тепле; Аня позвонила, сказала, что ужин готов; в пакете бутылка «вермута», согреюсь. В институте выпивали, у Артюхина день рождения, круглая дата, сорок лет. Я бы не смог, чтобы не выпить ещё, но уже дома, тет-а-тет с женой. Так поступаю редко, но сегодня можно. Тем более Антошка у бабушки, а это ещё и повод заняться любовью, не заботясь, что сын не спит и может услышать...

Я был почти у порога дома, оставалось пройти грязный подъезд, подняться на второй этаж, но вдруг, взявшийся из ниоткуда, голубой туман, или дым, я так и не понял, окутывает меня с ног до головы. Он светится подобно фосфору в темноте. В ушах слышится треск, как будто звучит ненастроенный радиоприёмник на волну радиостанции.

Я потерял ориентир – куда идти? Остановился. Не наткнуться бы на невидимое препятствие – я вытянул руку. Земля под ногами задрожала. Землетрясение? С последней надеждой кидаю взгляд на небо – туман спиралью упирается в звёзды. И вот, так же неожиданно треск начинает стихать, пелена голубого свечения медленно рассеялась.

Я неоднократно видел, как на красном закатном небе скрывается за горизонтом солнечный диск. Однако появление зелёного луча над поверхностью незнакомого озера меня удивило. Я вспомнил строки Заболоцкого:

*Луч, подобный
изумруду,
Золотого счастья
ключ —
Я его ещё добуду,
Мой зелёный
слабый луч...*

Как физик, причины возникновения этого необыкновенного зрелища я мог легко объяснить, опираясь даже на знания, полученные в школе: достаточно вспомнить закон преломления света. Но как я оказался на берегу озера?

Оглядываюсь. Скалистый обрыв стометровой стеной окружает меня и впадину, на дне которой незнакомое озеро. И я на его берегу. Воистину: шёл в комнату, попал в другую.

2

Достаю сотовый, пытаюсь позвонить домой. Анна убьёт, если я не предупрежу, что задержусь. А скажи ей правду – не поверит! Меньше пить, скажет, надо на работе. От волнения у меня очки даже запотели.

Батарея садится – зараза! Нахожу нужный номер, делаю вызов – связи нет! Чёрт подери, смотрю на индикацию приёма сигнала – пусто. Отключаю телефон совсем. Может, на возвышенности сигнал будет присутствовать? Бегу по пологому склону вверх – на самый край обрыва, конечно, быстро не взберёшься, большая высота, надо искать тропинку, тем более – вечером, на закате, это глупо. Останавливаюсь, здесь нормально, предполагаю. Включаю телефон – связи нет. Подняться ещё выше? Есть ли смысл? Нет, наверно. Телефон отключаю снова: батарею надо экономить. На сколько минут её хватит, если не отключать? Часа на три, думаю.

Спускаюсь вниз – надо возвратиться на прежнее место. Уже совсем стемнело и найти ту самую точку, на которой я стоял, как вкопанный, когда увидел озеро и зелёный луч, почти нет возможности. Почему возникла такая мысль, не имею понятия, но так, уверен, будет лучше.

Кажется, здесь. Сажусь на холодную каменистую почву, под зад подкладываю перчатки. Окружающая температура низкая, но, ощущаю, плюсовая, градусов десять или двенадцать выше нуля. В Питере, наверно, минус один и влажность процентов семьдесят – верится, я бы околел сейчас! На мне плотная дублёнка, под ней костюм и рубашка; а под синтетические брюки ничего не поддето – Аня всегда предупреждала, мол, надевай тонкое трико, теплее будет. Что ж, цистит-простатит обеспечен. В лучшем случае.

Вспоминаю про «вермут». Как он кстати!

Вытащить пробку невозможно, и я просто отбиваю горлышко о выступ скальной породы. Делаю глоток. Один, второй... Острые края режут губы, я чувствую привкус крови – вино и кровь одно и то же. В моём положении – всё равно. Неужели я сошёл с ума? Или умер? Щёлкнув себя по носу, понимаю, что это не так. Тогда – в чём же дело? Вопросы, вопросы, вопросы... Логика никакой.

Я долго не могу уснуть. Бутылка пустая, валяется рядом. «Вермут» согрел, но мысли не упорядочил. В институте завтра скажут, Магеровский опаздывает, а через час Артюхин позвонит жене и спросит, не заболел ли я?.. Нет, Аня сегодня вечером сама созвонится с Артюхиным и поинтересуется, не продолжил я застолье у него дома? Нет, ответит Артюхин и удивится, что меня до сих пор нет дома. Загулял, пошутит он. И Аня расплатится, скажет, за десять лет совместной жизни мой Саша никогда не гулял, не может быть! Артюхин попытает её успокоить, но у него это не получится. И тогда моя Анечка позвонит в милицию. Ей посоветуют обратиться через три дня с заявлением, и она ещё больше расстроится.

– Мужчина, проснитесь! – меня настойчиво толкала чья-то рука. Я открыл глаза. – Замёрзнете! Вам помочь?

– Нет, – отрезал я и подскочил на ноги. Боже, я спал возле своего дома, рядом с подъездом на промерзшем асфальте. Какая удача, надеюсь, что не увидел Сафроныч, сосед с первого этажа, а то бы весь дом языками чесал.

Незнакомец пожал плечами и удалился, бросив несколько слов самому себе, наверное:

– Понажираются! А с виду – культурный.

Жена встретила, как обычно: сдержанной улыбкой.

– Который час? – спросил я.

– Ровно восемь вечера.

– Я не опоздал?

– Как раз вовремя, ужин тёплый. Мой руки, садись есть. Кстати, а что это с твоими губами? Они в крови.

Я молниеносно протёр губы тыльной стороной руки – действительно!

– Порезался об острые края пивной банки, – соврал. – У Артюхина день рождения был.

– Знаю, – говорит жена. – С каких это пор ты пиво стал пить? Это не твой напиток, не замечала раньше, кстати.

Сажусь за стол. Аппетита нет. И того сексуального желания, которое испытывал, когда возвращался домой – тоже.

– Не заболел? – уточняет моя заботливая жёнушка.

– Нет, просто устал.

Она махнула неоднозначно рукой. Но я не мог с собой совладать. Бессилие овладело моим телом. И что-то ещё: в голове творилась полная неразбериха мыслей – это беспокоило больше, ибо, как учённый, я знал, такое происходит от потрясения.

3

Уснул только под утро.

Будильник разбудил резким звонком. Я с трудом просыпаюсь. Аня перевернулась на другой бок, повернувшись ко мне спиной. Это что-то новенькое: всегда вставала вместе со мной. Осерчала, наверное, что я пришёл поддатый. Это и к лучшему, иногда жену надо позлить.

Одеваюсь быстро. Выхожу на лестничную площадку.

Возле подъезда осматриваю то место, где окутал меня туман. Ничего подозрительного.

На работу прихожу раньше всех. Иду в свой кабинет, завариваю кофе.

Заходит Артюхин. Лицо помято. Видимо, последовало продолжение праздника, но уже дома, с друзьями и родственниками. Мог бы сегодня не выйти, как начальник. Но, зная его характер, понимаю, что такое вряд ли возможно, слишком ответственный человек.

– Доброе утро, Александр Петрович!

– Доброе, – отвечаю, – Михаил Иванович.

– Раненько что-то ты сегодня, раненько. То всегда опаздываешь...

– Не заспалось.

– Оно и понятно. Чрезмерное употребление спиртных напитков может привести к бессоннице. Кофе ещё есть?

– Заварить?

– Не откажусь.

– Правда, только одноразовый пакетик. Со сливками.

– Пойдёт.

Я засыпал кофе в чашку, залил кипятком.

– Александр Петрович, – начал говорить Артюхин о работе, как обычно это бывает с утра, – для нас принципиально важно, что в быстром реакторе при каждом акте деления ядер образуется большее количество нейтронов, которые могут быть использованы для интенсивного превращения U-238 в делящийся изотоп плутония Pu-239. Это превращение происходит в результате ядерной реакции... – он написал на клочке бумаги формулу, протянул мне.

Я его не слушал – делал вид, что слушаю. Хотя прекрасно понимал, он говорит, что существующая технология атомной энергетики, основанная на так называемых «тепловых» ядерных реакторах с водяным или графитовым замедлителем нейтронов, не может обеспечить развития крупномасштабной атомной энергетики – это связано с низкой эффективностью использования природного урана в таких реакторах... Я по-прежнему думал о вче-

рашнем событии. Если говорить языком фантаста, то вчера произошла телепортация тела из одной точки в другую, и – обратно. Какие законы физики были задействованы – спросить было не у кого.

– Александр Петрович, голубчик, я кому – стенам рассказываю? Ты меня слышишь?

– Да, Михаил Иванович, слышу.

– Но не понимаю, – закончил он за меня фразу. – Что случилось?

Я не хотел вначале рассказывать то, что произошло вчера, но неведомая сила сама связала язык. Тем более он уличил меня в абстракции.

Он долго молчал, глядя в окно, потом спросил:

– А сам-то веришь в этот полный бред?

– Нет, – ответил я.

– Врёшь, Александр Петрович, нагло врёшь. Я вижу, веришь!

И я сорвался:

– Есть такие вещи, Михаил Иванович, в которые действительно нельзя поверить, как, например, чёрт, дьявол, нельзя поверить в то, что человек может убить себе подобного, или поверить в межнациональные конфликты – это невозможно, если быть в здравом уме! Ты же физик, как и я, Михаил Иванович, понимаешь, к чему я клоню, – но это всё происходит, чёрт подери!

– Зачем так, Александр Петрович, взрывать? Я тебя таким никогда не видел. Пугаешь ты меня, пугаешь. С научной точки зрения твой рассказ – вымысел. Заработался ты. Вот и всё! Плюс алкоголь подействовал, всё просто. Всякое бывает. Иди домой, отдохни. Я тебя отпускаю. На сегодня хватит.

На что я надеялся и чего мог ожидать? Вот именно – подобного ответа. И никакого понимания.

Я сказал:

– Страшно почему-то идти домой.

– Иди-иди, – видимо он не понял, про какой такой страх говорю я, – день тебе зачтётся, Лидия Ивановна поставит восьмёрку, что ты работал сегодня. И не беспокойся, я никому не расскажу. Всё правильно сделал, что доверился мне. Другие бы не поняли, Александр Петрович.

Я ушёл. Весь день слонялся по городу, заходил в магазины, бары, кафе, даже в библиотеке, в читальном зале, просмотрел свежие газеты – убивал время, одним словом, чтобы моя Анечка ничего не заподозрила.

Схожу с троллейбуса, срывается мелкий снег, довольно прохладно – ёжусь; иду привычным путём, по проспекту Тихорецкий, на углу магазина «Монарх» и улицы Суворова поворачиваю вправо. В этом переулке всегда людей мало. Ныряю во двор жилого дома, рядом детский сад, огороженный сетчатым забором – в нём дыра. Так ближе, если срезать путь. Пролезаю. По натопанной тропинке, покрытой тонким льдом, скольжу вниз с пригорка. А вон и моя пятиэтажка! Осталось совсем чуть-чуть, минуты через две буду дома, в тепле. Вспоминаю стихи Валерия Брюсова:

*Быть может, эти электроны —
Миры, где пять материков,
Искусства, знания, войны, троны
И память сорока веков!
Ещё, быть может, каждый атом —*

*Вселенная, где сто планет;
Там – всё, что здесь, в объёме сжатом,
Но также то, чего здесь нет...*

Я неоднократно видел, как на красном закатном небе скрывается за горизонтом солнечный диск. Однако появление зелёного луча над поверхностью незнакомого озера меня уже не удивило.

4

Горный район, скалистые обрывы. Я нахожу тропинку, поднимаюсь наверх. Куда она приведёт?

Воздух чист и свеж, вдыхаю полной грудью – не могу надышаться, как будто уставший путник в пустыне от жажды не может напиться водой.

Ущелье очень красивое, как и всё здесь. Один склон с отдельными валунами покрыт густой, довольно высокой зеленой травой, среди которой стоят – я подхожу ближе, рассматриваю – фисташки с только что распустившимися бутонами. Внизу узкое каменистое плато – и озеро, километра четыре длиной и полтора шириной. С другой стороны – голые скалы. Погода меняется очень быстро. Небо совсем темнеет, и начинается дождь. Очень холодно, мне кажется. Местами, вижу, лежит снег.

Я прошёл с километр, а может быть больше. Встретить кого-либо уже не надеялся. Тропинка вела в неизвестность. Но то, что она существовала, предоставляло надежду: здесь живут, или иногда бывают люди.

И набрёл на дом, дверь заперта, света в окошке не видно. Стучусь. Тишина. Толкаю дверь плечом, она, не без труда, поддаётся.

В доме две ледяные комнаты. Света нет, газа нет, печка развалилась. Есть железный топчан и стол – металлическая рама на ножках, накрытая доской несколько меньшего размера. В доме почти так же холодно, как и на улице, только без ветра. С грязной полки снимаю закопчённый чайник, набираю в него снега, развожу костёр возле порога, кипячу.

Дождь не прекращается. Хорошо, что крыша в доме целая, промок бы, однозначно.

Нахожу старое одеяло, заворачиваюсь в него, как куколка бабочки в кокон, вприпрыжку влезаю на топчан, засыпаю.

Мне снится прелестная пятилетняя девочка – Нургазель. Она уже печёт хлеб вместе с взрослыми женщинами, самостоятельно прилепляя лепёшку к стенкам глиняной печи. Подходит ко мне, блестя глазами и кольцами с цветными стёклышками. Девчушка не понимает по-русски, но я, как могу, показываю ей своё восхищение – мы оба довольны. Она улыбается, уходит. Всплывают слова Чехова: «Она в двенадцать лет уже презирала гадких мужчин». Нургазель всего пять, но это Восток!

Я просыпаюсь, раннее утро. Солнце заглядывает в маленькое оконце. Как и прежде, я здесь, не переместился обратно. И, кажется, сон дал ответ, где я нахожусь. Я не верю снам, но здесь готов поверить во что угодно!

К дому – чётко прослушивалось – приближались шаги. Я слез с топчана, вышел на улицу – туман стелился тяжёлым белым покрывалом по самой земле. Сразу заметить, кто идёт, не было возможности. Сердце колотилось в бешеном ритме.

5

Смотрю на сотовый телефон – связи нет, как прежде.

Действительно, откуда ей взяться в такой глуши.

Из тумана появляются три фигуры. Двое мужчин и женщина. Идут гуськом, за плечами рюкзаки, у одного в руках тренога. Наверное, туристы.

В метрах тридцати, заметив меня, останавливаются. Первый мужчина говорит своим спутникам какие-то слова – я не могу разобрать, – и они снова направляются ко мне.

– У нас гости, – приблизившись ближе, сказала женщина.

– Откуда вы? – спросил мужчина, идущий первым.

Сердце успокоилось, я мог представить, что угодно, даже самое немыслимое в своём положении. Мог подумать о гуманоидах или о незаконных бандитских формированиях, скрывающихся в горах. Но передо мной оказались просто туристы.

– Меня зовут Александр Петрович. Фамилия – Магеровский. Я – физик.

Они поравнялись со мной.

– А зачем нам физик, а? – сказал первый мужчина, который, видимо, был главным. – Физики нам не нужны. Хорошего проводника бы нам, из местных – правильно я говорю, ребята? – обратился он к своим спутникам. – Анатолий меня зовут. В фамильярности в горах нет проку, как от туфли на высоком каблуке. – Он смотрел на мою обувь, она, не без оснований, вообще не вписывалась в эту местность, точно так же, как и брюки; и так же, если я скину дублёнку – строгий костюм с галстуком.

– Наталья Викторовна, можно просто – Наташа, – представилась девушка.

– А это Георгий, – сказал Анатолий. – Так кто же вас прислал к нам? И как вы добрались сюда. Дорога-то трудная. Не в одиночку же.

– Я из Санкт-Петербурга. Заблудился, – нагло вру. Правду говорить, не имело смысла. Одного Артюхина было достаточно.

– С Ленинграда, значит. Красивый город. Бывал.

– А вы чем занимаетесь?

– Биологи мы. Процессы образования новых видов животных изучаем. Об эволюции обычно говорят в прошедшем времени, и напрасно. – Анатолий скинул рюкзак, пододвинул к себе остаток мокрого пня, валявшегося возле дома, присел, достал пачку «Космоса», закурил. – Она и сейчас происходит. Эволюция! Но чтобы обнаружить хоть что-то, требуются годы кропотливых исследований и немного везения.

Мне показались эти биологи странными. Или точнее сказать – я был не в своей тарелке.

– Мы пытаемся отыскать гибридную популяцию горных ящериц, – сказала Наташа и улыбнулась. Эта улыбка настраивала на хороший лад.

– Интересно, – говорю. – Биология не моя стезя, но очень интересно. А разве в такую прохладную погоду ящерицы не впадают в спячку?

– Агама относится к роду горных, или кольцехвостых. В солнечные дни с ранней весны до поздней осени агама регулярно попадают на глаза.

– Если говорить о так называемых популяциях, то у разных животных существуют свои процветающие гибридные популяции, – поясняет Георгий, – а это значит, что эволюционные процессы не остались в прошлом, а происходят в настоящее время на наших глазах, пусть и в ограниченном масштабе.

– В пятидесятые годы, – продолжила Наташа, – французский учёный Гебе описал новый подвид кавказской агама, но позже было решено, что это всё-таки хорасанская агама. А в 1955 году экспедиция Гарвардского университета нашла в Пакистане агаму, которую определила, как кавказскую, подчеркнув почти полное сходство этой ящерицы с экземпля-

ром Гибе. Мы предположили, что причиной подобных недоразумений может быть гибридное происхождение спорных экземпляров. Однако этот вывод надо было подтвердить фактами. Стало быть, искать места совместного проживания хорасанской и кавказской агамы мы решили именно в Бадхызе.

– И как, успешно проживают эти твари? Совместно.

– Хорасанская агама – обычный вид Бадхыза. А вот кавказскую агаму мы ещё не нашли, – пояснил Анатолий. – Но всё только в начальной стадии.

– А это возможно?

– Почему бы и нет, Александр. Наши народы уживаются друг с другом, почему и ящерицам не ужиться.

После этих слов в моей голове уложилось всё по полочкам. Вот откуда пачка «Космоса», которую днём с огнём не найдёшь, Санкт-Петербург – это Ленинград, а все народы – братья! Я почувствовал такой прилив сил, что готов был прямо сейчас рассказать всё будущее России, и был готов раскрыть рот, как вдруг Наталья спросила:

– А что это у вас в руках?

Я держал сотовый, забыв его спрятать в карман.

– Часы, – нашёлся я.

– Дайте взглянуть.

Я отдал телефон. Девушка внимательно его рассматривала, вертя в руках и так и сяк.

– Импортная вещица, – сказала она. – Дорогие, наверное, эти часы?

– Китайские, ширпотреб.

– Но-ки-а, – прочитала она по слогам.

– Давайте вместе сфотографируемся, – сказал Георгий и расчехлил ФЭД. Подобный аппарат был у моего отца, помню.

Он установил фотоаппарат на штатив, нажал на автоспуск и прибежал к нам, мы выстроились в одну линию, обнявшись за плечи. Фотоаппарат щёлкнул.

– Готово! – сказал Георгий.

Не удержался и я. Я сказал, что мои часы и фотоаппарат ещё, два – в одном. Только автоспуска нет. Поэтому мы по очереди сфотографировали друг друга. И я показал снимки на экране телефона.

– Я слышал, что японцы разработали такой фотоаппарат, а не китайцы, – сказал Анатолий, – «поляроид» называется.

– Нет, американец придумал, одессит, между прочим.

– Это радует! Вам, как физику, лучше знать.

Биологи развели костёр, достали «завтрак туриста» сварили уху. Отхлебнув ложечку совдеповского супа, на меня нахлынула ностальгия – я застал клочок того самого прошлого, которое, казалось, не может быть достигаемым вовсе.

И вот они стали собираться в путь. Я почувствовал, что не смогу их так просто отпустить, не узнав точно, какой год сейчас на дворе. Но спросить прямо не мог – точно приняли за сумасшедшего. Я уточнил лишь:

– Из какого города будете?

– Из Новосибирска, – сказала Наташа и поцеловала меня в щёку.

Они ушли. Я остался один. Вначале хотел пойти с ними, но не стал торопиться, не моё это время, не моё. Будущее не изменишь, а себе навредишь.

Подняв пустую консервную банку, я посмотрел на этикетку, где стояла дата выпуска: двенадцатое сентября тысяча девятьсот восемьдесят первого года.

Я возвратился к озеру. Ничего не происходило. Пока не стемнело. Сон сморил, и я уснул.

– Мужчина, проснитесь! – меня настойчиво толкала чья-то рука. Я открыл глаза. – Замёрзните! Вам помочь?

– Нет, – отрезал я и подскочил на ноги. Боже, я спал возле своего дома, рядом с подъездом на промерзшем асфальте. Какая удача, надеюсь, что не увидел Сафроныч, сосед с первого этажа, а то бы весь дом языками чесал.

Незнакомец пожал плечами и удалился, бросив несколько слов самому себе, наверное:

– Понажираются! А с виду – культурный.

Позже я вычитал в одном из журналов: «Расчёты теоретиков говорят о том, что Вселенная, возможно, состоит из двух наложенных один на другой, очень слабо связанных, почти прозрачных друг для друга миров. Два мира материи: обычная и очень слабо с ней взаимодействующая – теневая. В момент их образования различные виды материи интенсивно перемешивались и составляли единый мир. Последующее расширение Вселенной, при котором плотность вещества снижалось, а гравитационные силы ослабевали, сформировало два практически не зависящих друг от друга мира».

Такая теория, я понимал, ничем не подкреплена. Иными словами, вполне возможно, что по соседству с нами, в том же пространстве-времени существует «параллельный» мир-невидимка, в точности такой же, как наш, а может быть, совсем непохожий, ведь я к нему лишь прикоснулся, не более.

И я молчал. Никому не говорил боле ни слова о происшедших событиях. Лишь несколько фотографий, сброшенных с телефона на диск, напоминали о случившемся.

Аня спрашивала:

– Кто это?

– Мои друзья, биологи, я тебе не рассказывал.

Позже, в интернете, я нашёл кое-что об исследованиях этой группы. Я даже узнал фамилию Наташи – Зыкова. Она ещё несколько лет ездила в Туркмению, но полный отчёт по проделанной работе так и не обнаружил. Видимо, годы кропотливых исследований, как они говорили, не были вознаграждены везением.

Бывает, все труды идут насмарку. В прошлые годы это было редким исключением, сегодня – мир теряет способность рождать идеи, безлика посредственность становится для него нормой.

Через месяц, случайно, на сайте «одноклассников» я увидел чёрно-белую фотографию, сделанную стареньким фотоаппаратом марки ФЭД. Все четверо мы улыбались.

2009 год

Варикоз

Дождь идёт четвёртые сутки. Дороги размыты, метро затоплено водой. В городе объявлено чрезвычайное положение. Школы, магазины, промышленные предприятия закрыты. Больницы – перегружены пострадавшими. Есть жертвы. Возникшее мародёрство подвигло правительство ввести войска. Панически настроенных граждан и грабителей солдаты подвергают изоляции. Ночью комендантский час.

Борис Иванович пребывает в наихудшем настроении духа. Непогода – как следствие такому настроению. Тридцать пять лет его мучил варикоз. Вот и сейчас обострился. Около трёх лет не подавал болевых симптомов, а сегодня боли усилились, передвигаться по квартире – и то мучительно. Виной всему та же непогода.

В девятнадцать лет, когда появились первые признаки болезни и начали прогрессировать, Борис Иванович, молодой и красивый парень, чуть было не женился... Его избранница, Анечка, увидев ноги Бориса Ивановича, перед тем, как лечь с ним в постель, пришла в ужас и не дала... Как следствие, не вышла за него замуж, когда он предложил руку и сердце, объяснив своё решение тем, что её будущие дети могут иметь те же болезни, что и их отец. Себя она считала чистой, идеальной и здоровой девушкой. Она, шестнадцатилетняя, мечтала о сказочном принце без изъянов.

Это первый случай, малоприятный, из жизни Бориса Ивановича, который произошёл по вине варикоза.

Второй раз ему отказали в приёме на работу в милицию. Он так хотел работать во внутренних органах, тогда ещё советских, что не мог понять, почему какая-то выпуклость не даёт сбыться его мечте. Взятку он не предложил медицинской комиссии, ибо, как будущий милиционер, не мог переступить закон, да и денег свободных-то особо не было у молодого человека. А дать намекали.

В третий раз из-за варикоза от него ушла жена. Десять лет они прожили вместе, но у них так и не было детей. Медицинское обследование выявило полную непричастность жены по этой проблеме, а вот Борис Иванович оказался бесплодным – варикоз левого и правого яичка превращал яйца Бориса Ивановича в огромные бильярдные шары, которые так любили теревить немногочисленные женщины, спавшие с ним, но эти шары были пустыми, полыми – воздушные шарики.

Это наследственное, успокаивал он себя. Отец и мать тоже были больны, но никто из них не умер от этой болезни, да – некрасиво и жутко, но жить можно. Правда, у отца родился я. Ему повезло больше.

Дождь продолжается.

Надо выбираться отсюда, думает Борис Иванович, потонет город. Только куда сбежать? От себя не убежишь.

Он включает телевизор, передают новости:

– Краснодарское водохранилище было разрушено мощным землетрясением. Город Краснодар стёрт с лица земли и затоплен. Почти всё население города погибло...

Городской телефон надрывается. Борис Иванович долго не хочет брать трубку – кто это может быть?

Звонит сосед.

– Ты слыхал?

– Да.

– Эта наша мокрая аномалия, как выпавшая роса ранним утром. К обеду высохнет. Родственники в Краснодаре не проживали?

– У меня нет их нигде.

- Тебе легче. У моей жены сестра родная с детьми там жила. Связаться не можем.
- Сочувствую!

На самом деле Борис Иванович оставался холоден ко всем этим новостям. Его беспокоил варикоз, который вызывал боль в обеих ногах, – это моё. И дождь за окном беспокоил – это рядом. Нет, какая там роса, к чёртовой матери! Сосед заблуждается. Не высохнет.

Дождь продолжается, усиливаясь до ливня.

Борис Иванович переключает канал, диктор говорит:

– Ростовская область закрыта для всех въезжающих и выезжающих, причина: свиной грипп. Есть жертвы среди населения ростовской области и прилегающим к ней территориям...

У Бориса Ивановича не дёргается ни один мускул на лице. Вот уже шестой год он не ест свинину: во-первых, дорого, а во-вторых, жирно – вредно для здоровья, особенно для сосудистой системы.

Водку Борис Иванович тоже не пьёт. Не потому, что был трезвенником, а всё по той же самой причине.

«НТВ» говорит о засухе в волгоградской области, о саранче, уничтожившей посевы зерновых культур...

Чешутся яички. Они только чешутся, никогда не болят. Странно: одна и та же болезнь, но разные симптомы.

Рука добирается до кнопки местного телевидения. Канал «ТВЦ» передаёт, что Москва под властью мощного циклона. Дожди продлятся ещё неделю.

Выйдет река из берегов, говорит сам себе Борис Иванович. Потонет город, как и Краснодар. Только там сразу, быстрая смерть, а мы постепенно уйдём под воду.

За окном раздаётся автоматная очередь. Борис Иванович выглядывает из-за занавески: солдаты оттягивают труп в сторону, в подворотню. Об этом в новостях не говорят.

Снова звонит телефон.

Сосед не может поверить в происходящее, он кричит в трубку, паникует:

– Они изолировали, а теперь расстреливают!

– А что ты хотел, – говорит Борис Иванович, – чрезвычайная ситуация требует твёрдых решений, – его голос спокоен, выдержан, как будто всю жизнь он проработал в органах, командиром, а не шофёром за баранкой троллейбуса двадцать пять лет.

– Я не понимаю...

– Я не понимаю тебя, и я не кричу во весь голос в трубку то, что и так видно. Нечему здесь удивляться. Когда болят ноги от варикоза, ты знаешь мою болячку, ничему другому не придаёшь значения. Сегодня у меня обострение, и я не хочу говорить на другие темы, извини.

Он кладёт трубку. Ему хочется закурить. Когда-то давно он курил «Лайку». И как только Аня его бросила – он бросил курить. Вредные привычки остаются в подсознании надолго. После проявляются с новой силой, попробуй удержаться.

С каким бы удовольствием он закурил бы сейчас! Лучше бы, конечно, «Лайку»... Но и от папиросы тоже не отказался. С травкой. Было дело.

За окном слышится грохот рассыпающегося кирпича. Правое крыло соседнего жилого здания рушится, вода, видимо, подмыла фундамент.

Надо уходить.

Борис Иванович собирает в сумку все самые необходимые вещи, консервы, садится на дорожку в кресло.

Громкоговоритель патрульной машины объявляет о комендантском часе.

Борис Иванович разбирает сумку, раскладывает всё на свои места. Завтра день в запасе.

Перед сном он включает телевизор. Показывают «танцы со звёздами». В записи. Он улыбается: красиво танцевать – была его мечта. Не научился. Варикоз помешал. Или яйца.

– Известное дело, – говорит он самому себе, – нашего горя и топоры не секут. И ложится спать. Завтра разберёмся. Выкрутимся. Если не помрём.

2009 года

Хлёбово

1

Ночь прошла беспокойно. Однако под утро мне приснился сон, что я потерял время. Казалось, я нахожусь в свободном падении, а мир проплывает вокруг меня в режиме какой-то паузы, стоп-кадра; хотел быть точным, чтобы не опоздать на работу, но не смог: электронные часы во всём городе, а вместе с ними время – исчезли, испарились, ликвидировались. Надо полагать, отразилось молнией, кто поймал время, застолбил – тот не спешит. Поспешность – неспешность. Равенства между этими понятиями нет, скорей – тире. Мой мозг явно не находился в состоянии покоя, он бодрствовал, хотя на самом деле я спал.

2

Обладая номером «78654», я мог себе позволить летающий автомобиль «Летагра-7500». Правда, он был в употреблении. Зато квантовый двигатель находился в хорошем техническом состоянии. И то, что немного протекала плазма, а на лобовом стекле располагалась трещина, не имело значения, ибо голографическая магнитола, сиденья с подогревом, сигнализация с лазерной турелью компенсировали остальные недостатки.

Анну я подвёз к отелю – у меня возникали мысли жить с ней вместе, но я пугался той её отрешённости от жизни, какую проявляли почти все долгожители, и Анна была не исключением. По пути нам встретила новая красочная реклама, которой раньше на этом месте не было. Она гласила: «МУЧАЕТ СОВЕСТЬ? ПРИМИ ТАБЛЕТКУ СЧАСТЬЯ!» И мелким шрифтом под фотографией улыбающейся полуобнажённой девушки: дёшево, доступно каждому.

Она сказала сухо, но сумела в одно слово вложить всю свою уставшую от бытия душу: – Спасибо!

Я смотрел ей вслед, её тембр голоса возбуждал – не резкий, не монотонный. Вот что цепляет меня в ней. Я нуждаюсь в ласковом слове, я понимаю интонацию. Это так странно звучит. Тем более перед инструктажем, который я сейчас буду проводить перед двумя десятками охранников. И голос мой, как старшего по смене, должен быть убедительным, я обязан найти правильную интонацию: суметь объяснить просто. Кажется, я догадываюсь, почему привязан к этой красивой женщине, привязан уже полгода – я её понимаю.

Она скрылась за входной дверью. Квантовый двигатель щёлкнул – на работу без опозданий.

3

Торговая сеть «Вестер» являлась крупнейшей в стране. Супермаркет, где я работал, насчитывал двадцать тысяч квадратных метров торговой площади – без учёта складских помещений.

На входе наряду с пластиковой карточкой доступа была предоставлена таблетка «совести» – минус 0.02 креды с зарплаты. Всё буднично, как обычно бывает перед сменой.

Меня уже ждали. Я обвёл взглядом собравшихся – из двадцати человек пять новеньких, одна из них девушка. Политика супермаркета была таковой по отношению к своим сотрудникам, что любая провинность каралась в лучшем случае увольнением. И так как коллек-

тив менялся, каждый день в мою обязанность входила ежедневная лекция либо планёрка, на которую отводилось тридцать минут.

– Первое, на что следует обратить внимание, – начал я свою речь, вспоминая голос Анны, – это распределение потока людей в торговом зале. Второе – исключить возможность проникновения посторонних лиц в служебные помещения. Тотальная слежка за всеми – в первую очередь за работниками супермаркета. Практика показывает, что львиная доля хищений совершается именно сотрудниками, а не покупателями. Двое из вашего числа будут отслеживать работу самих охранников – об этом я сообщу анонимно по телефону, кого посчитаю достойными. И за этими двоими непосредственно буду следить я сам через событийный видеоконтроль у себя на рабочем месте аналитика. Есть вопросы?

Девушка спросила:

– Всё так серьёзно?

– Новенькой, прощаю этот вопрос. Я понимаю, есть те, кому надоели эти инструкции, но это моя обязанность, которую я буду выполнять неукоснительно, до запятой в тексте... Идём далее. Значит, сразу определяйте зоны, наиболее вероятные для совершения хищений. Во-первых, это места выгрузки товара, места маркировки товара. Во-вторых, сами торговые залы, кассы. Необходимо проверять заднюю территорию супермаркета, на улице, но не задерживаться там с сигаретой в зубах дольше трёх минут – я всё это прекрасно буду видеть. Теперь: способы совершения преступлений. Стало быть, это кражи, совершаемые покупателями, это кражи, совершаемые непосредственно персоналом, это хищения, совершаемые в сговоре между персоналом супермаркета и покупателями...

– А возможен сговор между старшим охранником и главным менеджером, к примеру, чтобы отстранить неугодного работника? – Сергей задал вопрос, который интересовал и меня. В моё отсутствие.

– Нет, – ответил я. – Сергей, ты уволен.

Он вышел из конференц-зала, молча. Таблетки совести порой дают побочные действия.

Моя должность позволяла убирать неугодного подчинённого, но эта должность не позволяла подобрать на освободившееся место угодного мне человека.

– На чём мы остановились? Основные мероприятия по предупреждению хищений. Это самая важная часть в нашей работе – предотвратить, а не поймать. Главное, я считаю, – это использование методов психологического воздействия, под которыми следует понимать демонстрацию присутствия охраны с вашей стороны, я же в свою очередь провожу видеонаблюдение, информируя об этом в громкоговорители покупателей и сотрудников супермаркета. С целью выявления лиц, как покупателей, так и сотрудников, вынашивающих умысел совершить преступление, сотрудниками службы безопасности, то бишь охранниками, должна вестись агентурно-оперативная работа. Для негласного сотрудничества следует выявить лиц из персонала супермаркета, кто сможет с нами работать негласно. Руководство для этих целей выделяет солидные денежные средства для поощрения, как охранников, так и персонала супермаркета. Охранник обязан следить за работой рабочего персонала. Лишние разговоры, недоброжелательность к покупателю, частые выходы в курилку и прочее – всё фиксируется, в форме докладной предоставляется мне. Охранник службы безопасности должен уметь определить потенциального вора в общей массе покупателей, уметь вести наблюдение за подозрительными лицами, правильно задерживать и предъявлять претензии, предельно корректно и вежливо вести себя со всеми покупателями, даже если это оказался вор. Одним словом, потенциальный вор, оценивая нашу работу, должен говорить, что есть только одна причина, удерживающая его от преступления, – охранник, способный свести с ума своим присутствием, – подытожил я. – Да, и ещё... Помните: контролируете вы, контролируют вас.

Последнее предупреждение было самым важным из всех – потерять статус означало опустить себя на дно жизни, никаких привилегий, рабский труд, презрение общества, забвение.

4

Рабочий десятичасовой день подошёл к концу. Прошли те времена, когда ты работал восемь часов. Гудок, и чуть ли не строем все покидают рабочие места, никаких вольностей, иначе – понижение социального статуса, увеличение порядкового номера.

Я забрал Анну с отеля. Каждый день я выполнял одни и те же действия.

5

Сон повторился. Но я не смог его увидеть до конца, проснулся: Анна переворачивалась на другой бок и зацепила меня. Она не была моей женой, не была любовницей. Анна не была даже проституткой. Так она считала, но я ей платил за её услуги. Она была похожа на разумного человека, и могла понимать, что ей говорили, и более или менее успешно исполнять любовницу. Высшие власти знали, кто она такая. Знал и я.

За окном ещё не рассвело, и неоновая вывеска рекламы ярко светила, ослепляя, красной надписью: «КУПИ СЧАСТЬЕ! ДЁШЕВО! А ЛУЧШЕ ПОТРАТЬСЯ! ПОДАРИ СЕБЕ РАДОСТЬ ЖИЗНИ! КУПИ ВЕЧНУЮ МОЛОДОСТЬ!» И мелким шрифтом под фотографией улыбающейся полуобнажённой девушки: «Дорого».

В утренних сумерках мне сделалось страшно. Я сжался в комок, подогнул под себя колени, и подбородок упёрся в них. Я привык к рекламе не постепенно – сразу! Всосал с грудным молоком матери ложь. А теперь догадывался – и я был не одинок в своих мыслях – реклама инструмент. То есть я-то так считал, но вслух не говорил, поймёт ли ближний? Хотя всем известно, что сигареты, алкоголь, вечная молодость и смерть одна волчья ягода. Правда, вечная молодость – здесь есть сомнения, профессеры высказывают свою точку зрения по этому поводу, но она всегда совпадает с официальной точкой. Что не удивительно. Анна в своё время это тоже понимала. Её двузначный порядковый номер «97» говорил о высоком статусе в обществе – она не могла не знать, но купилась на дешёвую рекламу с надписью «дорого». Тогда это было престижно, престижно и сейчас. Да, двадцатипятилетняя успешная модель не смогла удержаться перед соблазном. А как иначе? Остановив старость, – она остановила и любое развитие своей личности. Ей сто двадцать, старушка. Молодое тело, а душа устала. Сколько таких! Тысячи. Бывшие толстосумы или дети их. Они живут вечно, а кончают суицидом. Правительство не поощряет самоубийц, зарабатывает на этом. Купить смерть дороже, чем вечную молодость. Бизнес на смерти и вечной молодости – выгодная статья дохода государства.

Рука прикоснулась к груди девушки. Эрекция. Я вошёл в неё спящую. Она проснулась и стала симулировать оргазм – привычка, выработанная за десятки лет, тяжёлая ноша. Для проститутки это естественно, но Анна, я говорил, не считала себя таковой, и мне не казалось странным её поведение – зачем? Ладно, IQ. Видимо, у неё, действительно, не могли срабатывать никакие другие защитные реакции организма – она знала, так надо, ей платят за это. Вечная молодость – вечная покладистость... Нет проблем. Поэтому правительство перечеркнуло её двузначный порядковый номер на запястье ещё девяносто пять лет назад, но не извело совсем, как напоминание о том далёком благополучии.

Мой номер «78654» соответствовал среднему статусу. Я не завидовал ни тем, кто вверху, и не испытывал сочувствия к тем, кто внизу. Они находились в недостижимости от меня. И когда семя вылилось в пустоту, я сумел остаться безразличным, ибо спать с бес-

смертной женщиной не каждый может себе позволить. А я могу! И здесь моя ложь выглядит открыто, как на ладони.

Из прикроватной тумбочки я извлёк деньги, отсчитал нужную сумму. Я мог бы дать ей и меньше, но те самые таблетки совести, которыми пичкает правительство почти бесплатно каждый день всех и каждого, действовали, наверное, со вчерашнего дня. И я был честен с ней.

Она спрятала деньги в потрёпанную сумочку и неожиданно сказала:

– Если бы ты, Сергей, сумел бы меня убить, я бы была тебе благодарна. Там, на том свете возвратила долг. Тысяча кредитов – это приличная сумма в моём положении. Но хотелось бы освободиться, понимаешь? – она сделалась грустной и от этого ожила, приняла человеческий облик.

Я обладал толикой понимания, как ни странно.

– Глупостей не говори, – сообщил ей.

– Эвтаназия – мало кому доступна. Как и вечная молодость. А руки на себя не поднимаются. И грех, говорит правительство. Страшный грех, говорит церковь. Они правду говорят?

Она разучилась различать цвета. Её недостаток – благо для цивилизованного общества. Рекламные щиты, рекламирующие вечную молодость, часто располагались рядом со щитами, рекламирующими смерть. Я знал наизусть текст этой рекламы – эту рекламу знали, видимо, все. Она гласила: «НЕ БЕРИ ГРЕХ НА ДУШУ, ПРЕКРАТИ СУИЦИД, ДОВЕРЬСЯ ДРУГИМ – ЗАКАЖИ ЭВТАНАЗИЮ! ОПЫТНЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ ПОМОГУТ ТЕБЕ СПРАВИТЬСЯ С ЖИЗНЬЮ!» И мелким шрифтом под фотографией улыбающейся полуобнажённой девушки со шприцем в руке: очень дорого.

Я ушёл от щепетильной темы, сказал:

– Мне пора на работу, сегодня вечером снова тебя заберу.

6

– ... да, и ещё... Помните: контролируете вы, контролируют вас, – закончил я привычной фразой планёрку.

Событийный видеоконтроль работал безупречно. На своём рабочем месте я был уверен в электронном устройстве. Руководство супермаркета совсем недавно поставила эту систему, и она окупилась, поговаривали, за четыре месяца.

Вот и сейчас звуковой сигнал сообщил об обнаружении вора. Монитор включил нужную картинку. Это был покупатель. Он снимал маркировку с дорогой бритвы. Сегодня или завтра придёт поделщик. А может, и он сам вернётся. Я сообщил охранникам номер стеллажа, но предупредил, чтобы его не задерживали. Если брать, то с полочным. Нанесение вреда маркировки товара не является преступлением.

Обед на рабочем месте. Как обычно. Я заварил себе кофе, оно не даёт эффект сонливости, сделал быстрый плов в пластиковом пакете.

Событийный экран вывел картинку: в супермаркет зашла полная дама в дорогой длинной шубе. Она обошла множество отделов, рассматривала технику, примеряла одежду, купила кое-что из косметики и, видимо, собиралась уходить. Я отвлёкся, чтобы доесть плов. Через пару минут позвонил охранник, работающий в зале.

– Сергей Николаевич, – сказал он, – спускайтесь вниз, сработали антикражевые ворота.

Кофе пришлось оставить остывать. Спускаюсь вниз.

На внешний вид даме было лет шестьдесят. Сколько ей на самом деле не знал никто, только пластиковая карточка паспорта могла прояснить этот вопрос. Я заставил женщину распахнуть шубу. Она возмутилась, но я сказал, что если даже что-то мы найдём, то отпу-

стим её, представителям власти не будем выдавать. Она подчинилась: пылесос, разобранный по частям, был спрятан по потайным внутренним карманам.

– Не хорошо, – сказал я.

Пылесос был изъят. Я попросил даму пройти ворота ещё раз, но они зазвенели снова.

Даму проводили в отдельную комнату. Девушка-охранник, новенькая, осталась с ней наедине. Даме предстояло полностью раздеться. Она долго сопротивлялась, выкрикивая бранные слова, угрожая всем и каждому. Но вскоре успокоилась. Видимо, вспомнив мои слова.

Когда она оделась, я вошёл в комнату. На столике лежали женские прокладки с защитной этикеткой: именно они, а не пылесос, стали причиной провала хитроумной операции.

Даму пришлось задержать до приезда правоохранительных органов (в любом случае я бы её не отпустил из супермаркета, даже если б не нашлись эти злосчастные прокладки), а руководству доложить о неполадках в электронике антикражевых ворот.

7

Анна никогда не говорила много. Старалась отвечать кратко «да» или «нет», не спорила и не пререкалась – можно сказать, она являлась идеальным вариантом для любого мужчины. Да, это так. Но мне с ней было скучно. Совместный ужин, просмотр альтернативного телевидения через интернет, секс, сон.

Секс получился быстрым. Вытирая салфеткой сперму с ягодиц девушки, я услышал снова:

– Убей меня, – она перевернулась на спину.

– Я не могу, – сказал я не сразу, комкая салфетку.

– Боишься правительства?

– Боюсь понижения статуса.

– Это одно и то же, Серёжа. Значит, боишься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.